

УДК 338.2:330.837

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ РЕСУРСОДОБЫВАЮЩИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Душин А. В.

В статье обоснована необходимость преобразований в экономической политике с целью стимулирования отечественного инновационного производства в условиях неоиндустриализации, установлено высокое значение институтов развития как части промышленной политики, представлен краткий анализ существующих в России институтов развития. Особое внимание уделено институтам развития, ориентированным на проекты в области добычи полезных ископаемых, определено их текущее положение и установлены проблемы их функционирования. В завершении делается вывод о недостаточно активном использовании институтов развития в экономической жизни страны.

Ключевые слова: институты развития; неоиндустриализация; инновационные кластеры; территориально-производственный комплекс; технологическая платформа.

В настоящее время в российской экономике сохраняется ряд финансовых, институциональных и инфраструктурных барьеров, препятствующих ее диверсификации и переходу к устойчивому высокому долгосрочному росту. Структурные проблемы российской экономики, обусловленные превалированием базовых отраслей, таких как добыча полезных ископаемых и металлургия, низкой конкурентоспособностью отечественного машиностроения и крайне низким экспортом мирной высокотехнологичной продукции Правительство РФ предполагает решать с помощью инструментов пространственной и новой институциональной экономики, среди которых важная роль отводится формированию институтов развития. *Институты развития (ИР)* должны обеспечить реализацию мер по становлению в Российской Федерации современной инновационной экономики, в том числе путем комплексной модернизации.

Как отмечается в прогнозе долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2030 года, подготовленного Минэкономразвития России, научно-технологическое

отставание РФ от мировых лидеров, наряду с традиционной неразвитостью механизмов коммерциализации технологий, не позволяет России осуществить прорыв на важнейших направлениях глобального инновационного развития и усилить позиции страны на высокотехнологичных мировых рынках. В современной России технологические решения, имеющие передовой новаторский характер, производятся всего в нескольких областях, при этом за годы реформ потеряна системность в производстве инновационных технологических решений, начиная от разработки идеи и заканчивая ее внедрением в производственный процесс не только в целом по экономике, но и по наиболее важным критическим направлениям технологического развития. Российский сектор науки и высоких технологий в значительной мере генерирует идеи и, частично, элементы технологических решений, которые доводятся до готовых комплексных решений в странах – конкурентах России, а затем импортируются обратно вместе с оборудованием. В некоторых областях отставание России от мировых лидеров увеличи-

лось в связи с исчерпанием имевшихся ранее научных заделов и отсутствием условий для полноценного развития новых направлений, – отмечается в прогнозе. Сегодня в экономике сложилась такая ситуация, при которой преобразования, направленные на совершенствование государственного устройства, уже нельзя отложить; сложились необходимые условия для перераспределения приоритетов развития экономики от сырьевого сектора в сторону высокотехнологичного производства товаров и услуг как основы роста стоимости национального богатства, но для получения синергетических эффектов в экономике необходимо сохранение системности промышленного развития ключевых звеньев цепочки создания добавленной стоимости. Этим определяется необходимость неоиндустриализации, а ИР являются одним из инструментов ее эффективного проведения.

В современной экономической литературе существуют различные трактовки понятия «институт развития». Часть авторов концентрируется на формальных структурах, выполняющих делегированные им государством поддерживающие и стимулирующие функции [1, 2], другие авторы считают, что ИР может стать любая социально обусловленная структура, снижающая неопределенность в системе и стимулирующая более эффективную экономическую деятельность [3]; также существует подход, рассматривающий ИР как общественные механизмы воздействия на социально-экономические процессы с целью стимулирования инновационной активности экономических субъектов и модернизации экономики, включая в эти механизмы неформальные институты [4].

ИР выполняют стимулирующие и регулирующие функции. Основная цель ИР – преодоление так называемых «провалов рынка» для решения задач, которые не могут быть оптимально реализованы рыночными механизмами, для обеспечения устойчивого экономического роста и диверсификации экономики. ИР выступают в качестве катализатора частных инвестиций в приоритетных секторах и отраслях экономики и создают условия

для формирования инфраструктуры, обеспечивающей доступ предприятиям, функционирующим в приоритетных сферах экономики, к необходимым финансовым и информационным ресурсам.

Из числа формальных институтов в России существуют или находятся в стадии формирования такие, как банки развития, инновационные кластеры, технологические платформы, инвестиционные и венчурные фонды, финансовые корпорации, экспортные и страховые агентства, бизнес-инкубаторы, научные и образовательные учреждения и центры, технопарки, специальные экономические зоны, научные фонды и другие. Обобщенная классификация ИР представлена в работе О. С. Грозовой [4]. К наиболее крупным национальным институтам развития можно отнести Внешэкономбанк, ГК «Роснотех», ОАО «Российская венчурная компания», ГК «Фонд содействия реформированию ЖКХ». Они оказывают поддержку проектам через финансирование бизнес-проектов, оказание инфраструктурной поддержки, а также софинансирование НИОКР. Как правило, данные институты являются смешанными и выполняют ряд стимулирующих функций. Так, банки развития, инвестиционные и венчурные фонды могут одновременно выполнять функции стимулирования и поддержки существующих субъектов инновационной деятельности, а также функции рискованных инвестиций на стадии фундаментальных и прикладных исследований, создания стартапов.

Мировой опыт показывает, что к секторам, на которые деятельность ИР оказывает наиболее сильное воздействие, относятся экономическая и социальная инфраструктура (энергетика, транспорт, связь, ирригация, жилищное строительство, здравоохранение, образование), капиталоемкие отрасли промышленности (нефтедобывающая, металлургия, химия и нефтехимия, тяжелое машиностроение и др.), сельское хозяйство. ИР сыграли главенствующую роль в послевоенном восстановлении экономической инфраструктуры и базовых отраслей промышленности в таких развитых странах, как Германия, Италия, Япо-

ния. ИР внесли существенный вклад в технологическое перевооружение энергетики, автомобилестроения, рыбной промышленности Японии; в энергосбережение, развитие коммунальной инфраструктуры, жилищное строительство Германии. В Латинской Америке за счет инвестиций ИР были созданы новые отрасли национальных экономик (прежде всего, в добывающей промышленности и машиностроении). Значительна роль ИР и в стимулировании развития отстающих регионов различных стран (Бразилии, Японии, Мексики и др.) [5].

Не смотря на то, что фактор наличия собственной ресурсной базы не является значимым конкурентным преимуществом сам по себе, и согласно автотемельной теории развития человечества также не является ограничителем социально-экономического развития, тем не менее, его ценность, безусловно, постепенно возрастает. Это связано как с ростом удельных затрат на вовлечение новых объектов в хозяйственное освоение, так и с вероятным усилением противоречий между странами – потребителями и производителями ресурсов. Без активного государственного вмешательства сырьевые проблемы в отечественной металлургии будут нарастать, в связи с чем следует ожидать возрастания роли фактора сырьевой безопасности в условиях обострения конкуренции на мировом рынке металлов.

Проблемы институциональной среды российской экономической системы традиционно раскрываются в проблемах избыточного государственного присутствия, нарастающей коррупции, расширения сферы применения «ручного» управления экономикой, низкой эффективности распределения ресурсов, преимущественно прямых методов регулирования и т. п. Эта институциональная проблематика в полной мере относится и к сфере недропользования [6, 7]. Одним из значительных последствий институциональных проблем является низкий уровень инновационной активности в части технологического развития российской промышленности.

Инновационные кластеры являются дей-

ственной силой в развитии конкурентоспособности экономики региона и одним из наиболее важных форматов взаимодействия вузов с внешним окружением – крупными предприятиями, органами власти. По сообщению модератора круглого стола Евгения Куценко, Россия уже по участию учреждений высшей школы в кластерах занимает одно из первых мест в Европе. В общем количестве участников 25 пилотных кластеров, в каждый из них вошли в среднем по два-три вуза. В кластерах участвуют четыре из девяти федеральных и 17 из 29 национальных исследовательских университетов. Кластеры с большим количеством вузов-участников располагаются в городах – крупных образовательных центрах. Однако пока такое активное взаимодействие не нашло значимого отражения в ВВП страны.

В настоящее время в России декларируется создание значительного количества горно-промышленных кластеров (кластерные инициативы), некоторые из них предполагается создавать на неосвоенных или слабоосвоенных территориях. Далее представлен краткий перечень некоторых кластерных инициатив по добыче и переработке минерального сырья:

– в Каларском районе Республики Бурятия (медь, уголь, титан, железорудное сырье, сурьма), инициатор – Байкальская горная компания;

– в Кош-Агачском районе Республики Алтай (вольфрам, молибден, кобальт, висмут, медь, ртуть, спекулярит, золото, серебро, гипс, тантал, ниобий), инициатор – Правительство республики Алтай;

– в г. Железногорске Красноярского края (кремний) (от добычи кварцевого песка до изготовления солнечных батарей и микросхем на базе завода полупроводникового кремния в г. Железногорске), инициатор – госкорпорация «Росатом»;

– в Красноярском крае, Богучанский, Енисейский, Кежемский, Мотыгинский, Северо-Енисейский и Эвенкийский районы, г. Енисейск; инициаторы: Министерство инвестиций и инноваций Красноярского края, ОАО

«Корпорация развития Красноярского края»;

- в Некоузском районе Ярославской области биоэнергетический кластер (торф), инициаторы: Правительство Ярославской области и корпорация «Биоэнергия»;
- в Свердловской области биоэнергетический кластер (торф), инициатор – Правительство Свердловской области;
- Северо-Уральский кластер на базе запасов крупного Воронцовского золоторудного месторождения, Свердловская область (золото), инициатор – ОАО «Полиметалл УК»;
- в г. Березники Пермский край (титан), инициатор – ВСМПО-Ависма;
- в Томпонском районе Республики Саха (Якутия) (уголь, золото), инициаторы: Правительство Республики Саха (Якутия), ОАО «Южно-Верхоянская горнодобывающая компания»;
- Кольский горно-химический кластер в Мурманской области, инициаторы: Кольский научный центр, Правительство Мурманской области;
- горно-металлургический кластер в Мурманской области (платиноиды, хромиты), инициаторы: Кольский научный центр, Правительство Мурманской области;
- в Центрально-Приморском районе Приморского края (вольфрам, золото, олово-полиметаллические руды, титан), инициатор – управление по недропользованию по Приморскому краю (Приморнедра);
- в Республике Карачаево-Черкесия «Круджиново» и «Исправная» (гипс, глина, песок); в состав кластера войдут горно-химический комбинат, цементный завод, завод огнеупоров, завод сухих строительных смесей материалов из гипса, завод искусственного камня, минерального волокна и целлюлозно-картонной фабрики. Инициатор – Правительство Республики Карачаево-Черкесия;
- в Приамурье Еврейский АО, Амурская область (железные руды, ванадий), инициатор – Peter Hambro Mining;
- Дукатский кластер, функционирует на территориях Арылахского и Дукатского рудных районов в Магаданской области (золото, серебро), инициатор – ОАО «Полиметалл

УК»;

- Омолонский горнопромышленный кластер в Северо-Эвенкийском районе Магаданской области (золото, серебро), инициатор – ОАО «Полиметалл УК»;
- Хаканджинский горнопромышленный центр, по сути, является «градообразующим предприятием» для депрессивного в прошлом Охотского района (золото, серебро), инициатор – ОАО «Полиметалл УК»;
- Амурский кластер, формируется в настоящее время на базе строящихся горно-обогатительного комплекса на крупном по запасам золота Албазинском месторождении и Амурского горно-металлургического комбината (золото), инициатор – ОАО «Полиметалл УК»;
- Приполярно-Уральский в Березовском районе ХМАО-Югры (железо, медь, цинк, уголь), инициатор – Правительство ХМАО-Югры.

И это далеко не полный перечень кластерных инициатив. Разработчики некоторых представленных кластерных инициатив трактуют горнопромышленные кластеры как группы объектов со схожими характеристиками или географически сконцентрированные группы взаимосвязанных компаний в области добычи и переработки минерального сырья, или единый комплекс производственной и социальной инфраструктуры, обеспечивающий экономически эффективную разработку совокупности месторождений с ориентацией на передовые горные и перерабатывающие технологии, результативное геологическое изучение недр для воспроизводства и расширения минерально-сырьевой базы. Совершенно очевидно, что в такой трактовке речь идет не о кластерах, а о территориально-производственных комплексах и, соответственно, большинство из представленных кластерных инициатив кластерами, по сути, не являются [8].

Что касается российских финансовых ИР, то последний министр регионального развития РФ И. Н. Слюняев (Албин) оценивал их совокупный капитал в объеме около 3 % ВВП. Анализируя в целом российские финансовые институты, необходимо отметить, что за пери-

од с 2011 по 2013 г. по лидерам рынка (Сбербанк и ВТБ), несмотря на растущий спрос на кредиты сроком более 5 лет, наиболее востребованными были кредиты в российских рублях на срок от 1 до 3 лет для финансирования текущей деятельности или рефинансирования ранее взятых обязательств, что связано в том числе с дороговизной заемного капитала на внутреннем рынке. Это обстоятельство отмечено даже в российских программных документах: «Узость предложения долгосрочного кредита способствует перераспределению ограниченных ресурсов в пользу экспортно-сырьевого сектора, в ущерб инвестиционным возможностям других секторов, так, например, около 40 % выдаваемых инвестиционных кредитов в настоящее время сконцентрированы в топливно-добывающем секторе» [9]. В условиях санкций и политики импортозамещения необходимо обеспечить наукоемкий промышленный сектор дешевыми инвестиционными ресурсами, и в первую очередь через институты развития.

В целом в настоящее время экспертное сообщество по-прежнему отмечает проблему рассогласованной политики ИР, связанной с разрозненностью, «лоскутностью» их отраслевых, географических и технологических приоритетов. Чтобы как-то содействовать решению этой проблемы, при Межведомственной комиссии по реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России была создана рабочая группа «Деятельность институтов развития на конкретных территориях, в том числе в инновационных территориальных кластерах». В рамках деятельности рабочей группы был разработан перечень возможных форм поддержки инновационных кластеров со стороны институтов развития. Данный перечень был утвержден протоколом от 22 июля 2013 г. № 3, согласно которому среди существующих в России финансовых и нефинансовых ИР на развитие нефте-, газоперерабатывающей и горнодобывающей промышленности ориентирован «ВЭБ Инжи-

ниринг» (Внешэкономбанк), созданный в декабре 2009 г. Деятельность этой организации направлена, главным образом, на оценку проектов и подготовку документации для привлечения внешнего финансирования. География проектов за 5 лет существования организации довольно широкая, но из отечественных ресурсодобывающих регионов можно отметить только аудит проектов строительства ГРЭС в Иркутской области и Якутии, химического производства в Березниках в Пермском крае, развития оловорудного месторождения в Хабаровском крае, чего явно недостаточно для экономики, базирующейся на экспорте сырья.

Специфическим ИР, отражающим отраслевую / технологическую специфику и ориентированным на цели неиндустриализации, является технологическая платформа. Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р, в рамках повышения национальной конкурентоспособности, развития науки, национальной инновационной системы и технологий предполагается развитие инструментов стимулирования взаимодействия научных, образовательных организаций и бизнеса в инновационной сфере, в том числе путем формирования технологических платформ (ТП). В целях реализации стратегии перехода России на инновационный путь развития в 2010 г. Правительственной комиссией по высоким технологиям и инновациям инициировано создание 27 технологических платформ (перечень ТП утвержден Решением комиссии 1 апреля 2011 г.) по наиболее значимым направлениям технологического развития России. Перечень направлений был выбран с учетом утвержденных 30 марта 2002 г. Президентом РФ «Основ политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», в которых были представлены приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечень критических технологий Российской Федерации (уточнены и переутвержде-

ны Президентом РФ 21 мая 2006 г. Пр-842 и Пр-843; и 7 июля 2011 г. Пр № 899).

Технологическая платформа (ТП) – это механизм частно-государственного партнерства, направленный на быстрое развитие исследований и разработок в пределах отдельных секторов экономики. Это отнюдь не российское новшество, ТП – институции, реализуемые с 2001 г. в Европейском союзе, их трансплантация не обошлась без российской специфики. Не смотря на довольно короткий срок реализации этой институциональной инициативы уже сегодня можно подвести первые итоги и сделать некоторые сопоставления.

Одна из 27 ТП направлена на развитие технологий изучения, добычи и переработки твердых полезных ископаемых – *технологическая платформа твердых полезных ископаемых (ТП ТПИ)*. Это коммуникационная площадка для представителей отраслей твердых полезных ископаемых. Цель ТП ТПИ – создание энергоэффективных и ресурсосберегающих технологий, обеспечивающих при их коммерциализации и внедрении повышение добавленной стоимости продукции, расширение минерально-сырьевой базы, рост производительности труда, рост конкурентоспособности продукции в отраслях промышленности России, связанных с добычей и переработкой твердых полезных ископаемых. Задача ТП ТПИ состоит в повышении интенсивности и эффективности прежних профессиональных связей, формировании новых перспективных связей, помощи инициативам участников ТП ТПИ в достижении государственной поддержки. ТП ТПИ – это калька с European Technology Platform on Sustainable Mineral Resources (ETP SMR). Сравнение ETP SMR с ТП ТПИ:

- участие со стороны науки и образования в основном профессиональных ассоциаций (в т. ч. объединений физических лиц), а не отдельных организаций, как в случае с ТП;
- паритет или преимущественное участие и инициатива со стороны бизнеса, доля представителей бизнес-сообщества, компаний среди участников ETP SMR несопоставимо

большее, чем в ТП ТПИ (крупные горно-металлургические компании – участники ETP SMR – 16, ТП ТПИ – 6);

- представление интересов агентов разных государств в рамках единого экономического пространства (наиболее активные члены ETP SMR представляют Германию, Францию, Польшу, Финляндию), тогда как ТП представляет только российских участников;

- коммуникационная площадка в рамках ETP SMR базируется на принципах и повестке, прописанных стратегическими документами ETP SMR: Strategic Research Agenda (SRA) и Implementation Plan (IP); в рамках ТП ТПИ стратегическая программа исследований не существует (она должна быть создана к концу 2012 г.), но ключевыми документами являются Федеральные целевые программы Министерства науки и образования РФ (в т. ч. ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2007–2012 годы»);

- действующая в ЕС программа Strategic Research Priorities 2010–2013 г. опирается на приоритеты, прописанные в SRA (ETP SMR), в РФ – в рамках ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2007–2012 годы»).

Технологическое отставание российской промышленности в области добычи и обогащения полезных ископаемых, наблюдаемое в настоящее время, связано, главным образом, с ограниченными возможностями отечественного машиностроения и его хроническим отставанием от ведущих мировых производителей. Ликвидацию отставания возможно осуществить за счет реализации механизмов привлечения в проекты развития горного машиностроения иностранных участников, обладающих соответствующими технологиями. Входящие на данный момент в ТП ТПИ иностранные организации: Ереванский государственный университет; Институт геотехники (Словакия); Украинский государственный научно-исследовательский и

проектно-конструкторский институт горной геологии, геомеханики и маркшейдерского дела Национальной академии наук Украины; Университет Ньюкасла (Австралия); CSIRO (СиЭсАйро) – Commonwealth Scientific and Industrial Research Organization Australia (Австралия) – не позволяют решить существующую проблему.

Региональная репрезентативность организаций-координаторов технологических платформ крайне ограничена. Регистрационные данные позволяют сделать вывод о том, что субъект Федерации город Москва по-прежнему остается центральным регионом в ходе реализации инновационной политики государства (фактически 24 из 27 организаций-координаторов ТП находятся в Москве). Вместе с тем выглядит достаточно странным, что промышленные Уральский и Приволжский федеральные округа в части технологических платформ не представлены ни одной организацией-координатором, даже по сырьевой (углеводороды и твердые полезные ископаемые) тематике. Первая очередь технологических платформ, одобренная Правительственной комиссией по высоким технологиям и инновациям, показывает низкую степень включенности регионов страны в данный процесс. Кроме того, промышленные предприятия, включенные в состав технологических платформ, четко локализируются в пределах преимущественно двух федеральных округов – Центрального и Северо-Западного, и значительно меньше – Сибирского федерального округа. Такая территориальная

привязка ТП свидетельствует пока о непродуктивности самого подхода их инициирования «сверху» и является отражением выбранной модели федерализма и следствием уже описанных институциональных проблем.

Фактически к настоящему времени ТП ТПИ представляет собой новый механизм перераспределения государственных средств, возможность осуществления модернизации техники и технологии нескольких компаний горнодобывающей промышленности за государственный счет, а одна из основных функций ТП ТПИ – функция коммуникационной площадки – пока реализована слабо.

Подводя итог проведенному анализу функционирования институтов развития ресурсодобывающих регионов в РФ, приходится констатировать, что национальная неоиндустриализация проходит пока главным образом на бумаге и в виртуальном пространстве; существующие институты развития, обладая значительными ресурсами, вместе с тем не располагают достаточным количеством проектов, реализуемых в практике. Декларируемые инновационные кластеры в минерально-сырьевом комплексе в большинстве своем остаются только кластерными инициативами или представляют собой классический пример территориально-производственного комплекса без элементов инновационной сетевой экономики. На сегодняшний день остается нерешенной проблема несогласованности между различными институтами развития (проблема «лоскутности»). Остается надеяться, что мы только в начале пути.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андрианов В. В. Институты развития и их роль в реализации проектов государственно-частного партнерства. М.: Финансовый ун-т при Правительстве РФ, 2011. 47 с.
2. Богатова Е. Р. Институты развития – что это такое? // В курсе правового дела. 2011. № 18. URL: <http://www.vkursedela.ru/article5129>.
3. Инновационное развитие – основа модернизации экономики России: национальный доклад. М.: ИМЭМО РАН, ГУ ВШЭ, 2008. 168 с.
4. Грозова О. С. К вопросу о классификации институтов развития и институциональных рисков инновационной деятельности // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/104-6811>.
5. Абдыгулов Т. С., Чуйков Н. А., Кадыралиев А. Д. Институты развития: анализ мирового опыта и ситуация в Кыргызской республике // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 2. С. 3–8.
6. Полянская И. Г. Институциональная среда пространственного недропользования // ЖЭТ. 2012. № 2. С. 71–82.
7. Полянская И. Г., Игнатьева М. Н. Методологические основы инновационного обеспечения регионального

недропользования // Изв. вузов. Горный журнал. 2013. № 6. С. 18–23.

8. Душин А. В. Горнопромышленные кластеры как элемент пространственного недропользования // Использование кластерного подхода в модернизации экономического пространства Российской Федерации. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН. 2013. С. 307–327.

9. Долгосрочный прогноз научно-технологического развития Российской Федерации (до 2025 года). URL: <http://www.protown.ru/information/hide/4497.html>.

Поступила в редакцию 26 ноября 2014 г.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ №13-32-01258 «Оценка потенциала новой индустриализации в регионах России».

Душин Алексей Владимирович – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник. 620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, Институт экономики УрО РАН.
E-mail: dushin.a@list.ru